

**ПЕТР
ВЯЗЕМСКИЙ**

О ЖИЗНИ И
СОЧИНЕНИЯХ
В. А. ОЗЕРОВА

Петр Вяземский

**О жизни и сочинениях
В. А. Озерова**

«Public Domain»

1817

Вяземский П. А.

О жизни и сочинениях В. А. Озерова / П. А. Вяземский —
«Public Domain», 1817

«Давно ли музы отечества оплакивали смерть поседевшего в славе любимца своего, Державина? и ныне еще поражены они новым ударом, не менее для них чувствительным! По крайней мере, Державин совершил свое поприще и заплатил последнюю дань природе в те лета, в которые человек перенес уже важнейшую утрату – утрату всего того, что, так сказать, живого было в жизни...»

© Вяземский П. А., 1817

© Public Domain, 1817

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Петр Вяземский

О жизни и сочинениях В. А. Озерова

Давно ли музы отечества оплакивали смерть поседевшего в славе любимца своего, Державина? и ныне еще поражены они новым ударом, не менее для них чувствительным! По крайней мере, Державин совершил свое поприще и заплатил последнюю дань природе в те лета, в которые человек перенес уже важнейшую утрату – утрату всего того, что, так сказать, живого было в жизни. Наследство, оставленное им потомству, плод трудов долгих и безмятежных лет, должны служить утешением в горестной потере. Судьба и люди, едва ли не в первый раз, постоянно благоприятствовали гению в лице Державина – и он, доживши до глубокой старости, простился с жизнью, как с прекрасным вечерующим днем. Зависть не дотрогивалась оскорбительною рукою до поэтических лавров его, и, по крайней мере, в глазах поэта и современников, скрывая свое негодование, казалось, изменила древней вражде ко всему тому, что ознаменовано печатью величия. Пример едва ли не единственный в летописях славы! Но, оплакивая Озерова, мы должны сетовать как о преждевременной смерти, так и о самой жизни его, игралище враждующей судьбы и людей, коих злоба бывает еще изобретательнее и постоянное. Смерть положила предел дням Озерова на 47 году от рождения; но бедствия и зависть, пробужденная рукоплесканиями, уже за несколько лет перед тем поставили преграду успехам его, похитив у отечества надежды, за исполнение которых достаточными поручками были прежние труды Озерова, начавшего новую эпоху в истории трагического нашего театра. Странная и горестная истина! Участь великих мужей, коих слава бывает собственностью народа, зависит часто от малого числа людей, а иногда от одного только лица. Не оттого ли, что благодарность скудна в способах изъясняться, особенно же медленна; а зависть, напротив, богата в средствах, догадлива и никогда не дремлет? И часто первая прерывает свое преступное молчание тогда только, когда поздний голос ее тщетно уже раздаться может над прахом сердца нежного, потухшего в унынии и ожидавшего благоговящего ее взывания, как новой жизнеподательницы новых сил и надежд! Напротив же, первая победа есть для последней решительный знак к действию: неутомимо преследует она от успеха к успеху доверчивого любимца славы, как жадный заимодавец, заставляя его расплачиваться при каждом новом праве, приобретенном на уважение отечества, и, таким образом, гонясь до конца за жертвою своею, падает бессильная при надгробном камне, сей священной преграде, бессмертием поставленной ее ненасытной вражде. Счастлив обреченный славою на гонение, воин ли он, гражданин ли или питомец муз, когда душа его, облеченная спасительною твердостью и крепкая собственными своими силами, служит только тщетно целию стрел для неприязни, скользящих по ней и следов не оставляющих! Но горе тому, кто с дарованием получил от природы и душу чувствительную, вверившую свои наслаждения и горести самовластия чуждого произвола! Горькими слезами заплатит он за рукоплескания, мгновенно похищенные у ветреной толпы, сегодня ослепленной, а завтра смотрящей с убийственным равнодушием на борение любимца своего с злобою врагов. Должно еще ваметить, что успехи драматические более и продолжительнее прочих подстрекают зависть. Эпическое или лирическое творение, славимое при начале и действующее только на часть публики, теряет со временем свою гласность и наконец становится собственностью малого числа читателей. Хорошая трагедия или комедия, налагая дань на все общество, не стареет никогда. Каждое представление, возобновляя удовольствие публики, растравляет раны зависти, которая не столько враг достоинствам, сколько успехам. Вольтер, вооруживший противу себя толпу врагов, но умевший всегда с равным искусством вести как оборонительную, так и наступательную войну, жалуясь однажды на неприятности, им претерпеваемые, говорил в письме: «Если я еще напишу трагедию, то куда мне деваться?»

Озеров умалчивал о своих неудовольствиях и, одаренный сердцем, чувствительным к обидам, не умел ни презирать вражды, ни бороться с нею и наконец оставил столицу в поприще славы своей.

Заслуги Озерова, преобразователя русской трагедии, которые можно, не определяя достоинства обоих писателей, сравнить с заслугами Карамзина, образователя прозаического языка, обращают на себя благородное и любопытное внимание просвещенных друзей словесности. Оба оставили между собою и предшественниками своими великое расстояние. Судя по творениям, которые застали они, нельзя не признать, что ими вдруг подвинулось искусство, и если бы не при нас случилось сие важное преобразование, трудно было бы поверить, что оно не приготовлено было творениями, от нас утраченными. Но для некоторых людей сей геркулесовский подвиг не существует. Они постоянно коснеют при мнениях прошедшего века. Просвещение, грядущее исполинскими шагами, усовершенствовавшее науки, обогатившее казну человеческих понятий, преобразовавшее самые государства, до них не коснулось. Просвещение прошло мимо их, и они его не заметили. Обремененные с излишеством старыми понятиями и не умея даже ими владеть, как беспечный наследник, который не только что не думает о новых приобретениях, но с трудом справляется и с тем, что ему досталось, они негодуют на новую жатву, собранную тайком от них трудолюбивыми и щедрыми благотворителями. Успехи разума и искусства не подвигаются для сих людей неподвижных. Оставшись на стезе просвещения, современного их младенчеству, они напоминают Эдипа, который, будучи утомлен дорогою, садится на камень и говорит: *Мой век на камне кончу сем.* Их разум, достигший ветхости при постоянном ребячестве и представляющий картину развалин недостроенного здания, не изменяя первым урокам, удивляется, что смеют писать трагедии после Сумарокова, и, довольствуясь повествованиями Елагина, ужасается святотатства смельчака, дерзающего готовить русскую историю. – Пускай доканчивают они тяжелый сон жизни своей на вековом камне под усыпительным надзором невежества и предрассудков: мы обратимся к Озерову, который писал не для их века.

К сожалению, я не могу, говоря о заслугах Озерова, как автора, остановить на нем внимание читателей, как на человеке: я не знал его лично. Но, впрочем, если бы свидетельство друзей его и не утвердило меня в уверении о прекрасном сердце его, то я убедился бы в нем истинною и словами Карамзина, который говорит, что автору надобно иметь доброе и нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей. Не знаю также и подробностей жизни поэта, столь всегда любопытных и занимательных, когда они относятся к лицу, достойному нашего внимания. Мы любим заставить в тишине домашней жизни человека, привлекающего взор наш на поприще большого света и, так сказать, поверять, сличать его с самим собою. У нас писателей знают только по одним их книгам, и известия о них не что иное, как послужные списки. Хорошо другу умершего писателя обращать внимание потомства на знаки благоволения, полученные покойником от начальников, когда творения его не свидетельствуют о благоволении к нему Аполлона. Но когда можно говорить о качествах души, о домашних добродетелях человека, известного нам по одной его славе, то, умалчивая о чинах его, припомним с Княжниным, что *Рафаэль не бывал коллежским ассессором*, лучше определим его права не на адрес-календарь, но на любовь граждан, уже платящих дань уважения умственным его способностям.

Соберу однако же все известия о нем, которые дошли до меня, и если не могу начертать полного образа, то означу хотя легкие черты характера или души Озерова, по словам одного родственника его, которому не нужно было родства, чтобы быть ему другом¹.

¹ Графа Дмитрия Николаевича Блудова; здесь приводятся почти вполне собственные слова его. (Примеч. П. А. Вяземского.)

Озеров получил воспитание в кадетском корпусе, хорошее по тогдашним понятиям, недостаточное для человека, готовящегося быть писателем. Французский язык и французская словесность были единственными сокровищами, открытыми его взору. Первыми его учителями и образцами в языке были Княжнин и Болтин: уже гораздо после того познакомился он с истинными образователями русской прозы и русских стихов. В уединении тихой жизни узнал он Державина, Дмитриева и Карамзина, почувствовал им цену и по ним учился. Рожденный с пылкими страстями, с воображением романическим, он не мог противиться волшебной прелести любви, и привязанность к одной женщине, достойной владычествовать в его сердце, решила судьбу почти всей его жизни. Для нее он жил несколько лет, почти все лета своей молодости; с нею питался восторгами платонической страсти; часто предчувствовал счастье, но не был счастлив: ибо любезная ему женщина была замужняя и добродетельная. Для нее он играл во французских трагедиях, читал романы и писал французские стихи. По счастью, он изменил со временем французскому языку; но сохранил вкус к чтению романов и в зрелых летах и после потери любимой женщины как бы для того, чтобы участием в вымышленных несчастьях любви напоминать себе те страдания нежности, к коим сердце его привыкло.

Нет сомнения, что чтение романов дало его поэзии цвет романизма, заметный почти во всех его произведениях, и удивительно, как с таким расположением не искал он для содержания трагедий своих повестей из рыцарских веков.

Долговременная сердечная связь имела также влияние и на характер нашего трагика. Давно говорят, что любовники похожи на детей, а Озеров сохранил что-то детское и во всех отношениях жизни. Он, как младенец, был добродушен, своенравен и забывчив; то подозрителен, то легковверен и к людям, и к надеждам. Иногда самолюбие доводило его до малодушия; иногда от излишнего смирения он впадал в отчаяние. Главным свойством его сердца была любовь к друзьям; он часто делался их невольником, видел, чувствовал ими; но готов был рассердиться за малейшую неосторожность и также не мог устоять против малейшего знака любви. Смерть милой ему женщины удалила его на время от света, который в глазах его украшался ею, и от словесности, которая сначала была для него не более как забава. При образовании природном долго не мог он искать наслаждений и счастья в трудах ума, искав их единственно в мечтах сердца. Пробуждение от сладостных сновидений было развитием давно таившихся его способностей. Следующая черта даст ясное понятие о нежности и щекотливости благородной души его. – Он служил по гражданской части и имел успехи по службе, но мало радовался ими. Однажды его начальники спросили: «Не нужно ли сделать перемены в его департаменте?» Озеров счел этот вопрос за совет идти в отставку и тотчас вышел.

Приступая к рассмотрению произведений Озерова, скажем нечто о русском театре.

Драматическое искусство у нас еще в колыбели. Несмотря на несколько трагических и комических сцен, мелькающих в малом числе драматических творений, из коих всякое более или менее ознаменовано общею печатью отвержения, наложенною на наш театр рукою Талии и Мельпомены, кажется, можем сказать решительно, что до сего времени мы не имели еще ни одной оригинальной комедии в стихах и до Озерова не видали трагедии.

Сумарокову, сему писателю, хотевшему с жадностию обнять все отрасли ученой славы и у которого нельзя отнять ни ума, ни дарования, предназначено было судьбою проложить у нас пути к разным родам сочинений, но самому не достигнуть ни одной цели. Как Моисей, он навел других на обетованную землю, но сам не вступил в ее границы. Слепленные современники венчали неутомимого писателя похвалами, добродушное потомство довольствуется быть отголоском старины, не налагая на себя тяжелого труда быть действующим судьей славы Сумарокова, и, таким образом, творец русского театра, хотя и не лишенный почести сего имени, уже почти не имеет места на русском театре. Может быть, и совсем

поглотила бы его бездна забвения, если бы не приходило на мысль благочестивым и суеверным поклонникам старины, предпочитающим всегда славу усопших славе живых, ставить нам, без зазрения совести, в образец басен на русском языке басни Сумарокова и в образец трагического слога напыщенные и холодные порывы притворного испуга «Дмитрия Самозванца». Должно заметить, однако же, что в трагедиях Сумароков также выше комедий своих, как Княжнин в комедиях выше трагедий Сумарокова и своих собственных.

Княжнин первый положил твердое основание как трагическому, так и комическому слогу. Лучшая комедия в стихах на нашем театре есть неоспоримо «Хвастун», хотя и в ней критика найдет много недостатков, и вкус не все стихи освятил своею печатью. Но зато сколько сцен истинно комических, являющих блестящие дарования автора! Сколько счастливых стихов, вошедших неприметно в пословицы! Сколько целых мест, свидетельствующих, так сказать, о зрелости слога Княжнина! В доказательство тому заметим, что дурной стих, площадное и непристойное выражение, оскорбляя ваш слух, поражает вас в «Хвастуне» так же, как хороший и удачный стих пробуждает вас в другой комедии. «Утешенная вдова» до сего времени может служить у нас образцовою по достоинству прозаического и комического слога, тонкой насмешки и веселости. В «Чудаках» блистает тоже дарование и еще более комической веселости. В других его комедиях везде рассыпаны искры дарования и соль остроумных шуток, выкупающих погрешности планов его и несходство в списывании лиц.

Княжнин, как трагик, заслуживает более укоризн, не имея блестящих достоинств, вознаграждающих за ошибки его в комедиях. Язык в последних всегда кажется естественным: язык в его трагедиях всегда принужден и холоден. В *Дидоне* видим не любовницу, в *Росслане* не пламенного друга отечества. О *Росслане* можно заметить, что имя *хвастуна* ему приличнее, нежели действительному *Хвастуну*. *Верхолет* более лжец и обманщик: *Росслав* есть трагический хвастун. Княжнин, сказывают, признавался, что *Росслав* написан им по желанию собрать в одно все черты высокого, рассыпанные во французских трагедиях. Одно это желание, признанное или умолченное, – все равно, но главное в трагедии его, – может служить ему обвинением. В ответах *Росслава* слышен всегда автор; в словах; *я здесь не в первый раз*, внятен сердечный голос негодующего Фингала. Я часто слышал рукоплескания, заслуживаемые стихами трагедий Княжнина; но, признаюсь, не видал никогда в глазах зрителей красноречивого свидетельства участия, принимаемого сердцем их в бедствиях его героев или героинь; не видал слез, невольной и лучшей дани, приносимой трагическому дарованию от растревоженных чувств сострадания или страха обманутого воображения. Должно сказать, что погрешности в трагедиях Сумарокова и Княжнина не могут быть оправданы временем. В то время как они писали, сокровища иностранных театров совершенно были им открыты; не говорю о древних источниках, которые тогда, как и самый язык древних, были забыты. В трагедиях того и другого встречаем мы нередко частые подражания Корнелю, Расину и Вольтеру. Можно похитить блестящую мысль, счастливое выражение; но жар души, но тайна господствовать над чувствами других сердец не похищается, и нельзя ей научиться от правил пиитики. Главный недостаток Княжнина происходит от свойств души его. Он не рожден трагиком.

О трагедиях последователей его, покоящихся после однодневной жизни в «Российском феатре», нечего и упоминать. Не стану говорить и о трагедиях, в новейшее время перенесенных с иностранных театров на наш усердными переводчиками, о сих несчастных эмигрантах (разумеется, не без исключения), жалких и разительных свидетельствах изменения судьбы человеческой, сохранивших у нас одно прежнее имя, но оставивших на отечественной земле и богатство свое и славу отцов!

Кажется, решительно можно сказать, что у нас не было трагедий, и величество Мельпомены не царствовало на трагической сцене. Актеры под пышными именами выходили

перед зрителями, говорили стихи, иногда хорошие, чаще дурные; зрители рукоплескали, чаще зевали; но и рукоплескания их были данью звучности стихов, блестящему выражению, сильным изречениям, сохранению некоторых условий искусства, но тайна трагедии не была еще постигнута. Явился Озеров – и Мельпомена приняла владычество свое над душами. Мы услышали голос ее, повелевающий сердцу, играющий чувствами, сей голос – столь красноречивый в Расине и Вольтере. В первый раз увидели мы на сцене не актеров, пожалованных по произволу автора в греческих, римских или русских героев и представляющих нам галерею портретов почти на одно лицо, которое узнавать надобно было по надписи.

Но прежде нежели представим Озерова на русской сцене, на степени его достойном, взглянем на первые труды, предшествовавшие «Эдипу», коим началась новая эпоха в истории театра и словесности нашей.

Первый шаг Озерова в области поэзии был перевод из Колардо героиды «Элоизы к Абельгарду». В кратком предисловии, напечатанном при переводе, уведомляет он читателей, что предлагает им первый опыт свой в стихах и извиняется в смелости состязаться с счастливым соперником, утвердившим во Франции свою славу переводом из Попа письма, известного любителям словесности; он признается, что чтение стихов Колардо родило в нем вдохновение Аполлона и воспламенило воображение, не тронутое до того волшебным жезлом поэзии. «Читая Колардо, – говорит Озеров, – я был восхищен. Мне открылся путь Парнасский, и я почувствовал вдохновение Аполлона, о котором прежде и мысли не имел». Так добродушный Лафонтен, до конца жизни не проведавший тайны славы своей, тайны, темной для одних его глаз, обязан был чтению оды Малерба открытием своего дарования. Поставить переводы наряду с подлинником – невозможно; но не признать в переводчике Колардо грядущего поэта было бы несправедливо. Многие стихи, несмотря на тогдашнее несовершенство нашего стихотворческого языка, могли бы украсить и в теперешнее время лучшее из наших стихотворений. Вообще рассказ и порывы страсти удачнее прочего сохранены переводчиком, еще непосвященным, но втайне обреченным любимцем Мельпомены. Его прочие мелкие стихотворения не свидетельствуют о поэтическом даровании, развернувшемся в трагедиях; а лирические песни доказывают, что Озеров не был лириком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.